

страхования и налоговый номер, присвоенный каждому резиденту правительством Японии) при открытии счетов. Финансовые учреждения будут проверять Мой номер, используя Карту моего номера, принадлежащую такому клиенту, или ее копии. Обратите внимание, что данные «Мои номера» должны храниться в строгой конфиденциальности.

Касательно дополнительных мер по борьбе с отмыванием денег, которые могут предлагаться или рассматриваться законодательными органами Японии, к сожалению можно отметить, что в настоящее время нет ни одного опубликованного предложения законопроекта, законопроекта или предложения о редактировании законодательства ПОД. Однако, после публикации в июне 2020 года отчета ФАТФ о взаимной оценке Японии за 2019 год[14], ожидаются новые предложения и поправки, согласно выдвинутым рекомендациям ФАТФ изложенными отчетом.

Существует несколько пунктов несоответствия Японского законодательства рекомендациям ФАТФ:

1. Текущие меры НПК не требуются в соответствии с Законом о ПОД[6]. Для финансовых организаций в Законодательстве ПОДФТ есть положение, требующее исполнения таких мер, но для большинства нефинансовых организаций таких рекомендаций нет.

2. Сделки с «внутренними» политически значимыми лицами не относятся к сделкам с высоким риском.

Список литературы:

1. Закон о предотвращении перевода доходов, полученных преступным путем, Япония, 2008
2. Закон об иностранной валюте и внешней торговле, Япония, 2007
3. Закон о борьбе с отмыванием денег и регулируемыми органами по борьбе с отмыванием денег, Япония, 2008
4. Закон о наказании за организованные преступления и другими соответствующими действиями, Япония, 2009
5. Уголовно-процессуальный кодекс, 2018
6. Закон о предотвращении перевода преступных доходов, Япония, 2005
7. Закона о рассмотрении административных жалоб, Япония, 2010
8. Закон о компаниях, Япония, 2007
9. Закон о банках, Япония, 2003.
10. Закон о представлении Заявления о банковских переводах за границу с целью обеспечения надлежащего внутреннего налогообложения, Япония, 2009
11. Валютный кодекс, Япония, 2002
12. Закон об иностранной валюте и внешней торговле, Япония, 2007
13. Рекомендация ФАТФ 16
14. Отчет ФАТФ о взаимной оценке Японии, 2019

СТАБИЛЬНОСТЬ И ДИНАМИЗМ УГОЛОВНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА КАК СОДЕРЖАНИЕ УГОЛОВНОЙ ПОЛИТИКИ

*Наумов А.В., профессор, доктор юридических наук, заслуженный деятель науки
Российской Федерации, профессор кафедры уголовного права и криминологии
Всероссийского государственного университета юстиции
(РПА Минюста России) (г. Москва)*

Примерно с 90-х г. XX века (т.е. еще в советские времена) в науке советского уголовного права возникло и стало развиваться такое направление как уголовная политика (Н.И. Загородников, Н.А. Беляев, С.В. Бородин. А.А. Герцензон. П.С. Дагель и др.),

выполняющая руководящую роль в организации борьбы с преступностью. В постсоветское время это понятие приобрело абсолютно господствующее значение, объединяющие любые аспекты доктринальных попыток рассмотрения актуальных проблем противодействия преступности. Термин «политика» происходит от древнегреческого «политейя» - государственное общественное устройство и «политикэ», что значит искусство управления государством, государственные дела, деятельность государства. Философская наука и политология и в прошлом и в настоящее время исходят из значения указанного понятия (термина) как направления (части) внутренней и внешней политики государства, определение ее направленности, форм и задач [1; 236-237]. В этом смысле наука уголовного права оперирует понятием «уголовная политика», понимая под этим направление (часть) внутренней и внешней политики государства, определяя ее стратегию и тактику противодействия преступности уголовно-правовыми средствами. Вместе с тем в наиболее значительных работах, посвященных этой проблеме, уголовная политика *фактически* приравнивается к проблеме криминализации и декриминализации, пенализации и депенализации, т.е. правотворческой политике государства, а проще его политики в сфере развития уголовного законодательства [2].

Юристам, особенно криминалистам (в широком смысле слова) свойственно «покупаться». Купились они и на изобретение понятия «уголовная политика» (в том числе и нашими почти «великими» для уголовного права и криминологии, например, М. Чубинским). По справедливости, последнее слово (политика) надо было иметь в виду в кавычках. Так как настоящая политика (не в смысле хорошая или плохая) без кавычек - у Маркса и Ленина (политика – область отношений между классами, нациями и социальными группами). После Февральской революции 1917 г. Временное правительство пыталось использовать приемы (способы) *уголовной* политики. Была создана даже концепция реформирования уголовного законодательства (вполне приличная даже по нынешним меркам). Большевики же занялись *политикой* без кавычек и в октябре 1917 г. «подобрали» власть.

Сказанное вовсе не означает, что я отрицаю наличие политического аспекта в уголовном законодательстве и предупреждении преступлений. Разумеется, что он есть, и я постарался об этом сказать в своем трехтомном Курсе лекций (в том числе, и в последнем – пятом его издании 2011 г.) [3; 49-50, 291-292]. Он есть там, где можно вычленишь классовые или социально-групповые интересы. Бессмысленно, например, искать классовые начала в уголовно-правовом понятии убийства и в конструировании уголовно-правовых норм, предусматривающих ответственность за его совершение. Другое дело экономические преступления. Очевидно, что некоторые уголовно-правовые нормы об ответственности за их совершение защищают интересы одних социально-классовых групп, а другие – иных. Например, субъектом мелкого, но уголовно-наказуемого хищения чужого имущества (не в юридическом плане) скорее всего может быть только малоимущий или совсем неимущий. Напротив, уголовно-правовая норма об ответственности за кражу, совершенную в особо крупном размере (по УК РФ на сумму не менее одного миллиона рублей), охраняет интересы тех, у кого такой миллион может быть украден. Однако такие случаи не должны возвращать нас к старому, когда классовый характер уголовного права объявлялся основополагающим началом уголовного права и уголовной политики [4; 627-628].

Право, в том числе и уголовное законодательство, должно соответствовать требованиям как его *динамизма*, так и *стабильности*. Первое нужно для того, чтобы его нормы не отставали от обусловивших их появление и существование социально-экономических условий своего времени. Представление же о необходимости запрещения в уголовном законе тех или иных деяний не остается неизменным. Жизнь обязательно вносит в него свои коррективы. И реакция на соответствующие изменения воплощается в таких приемах законодателя как криминализация и декриминализация. Одним из серьезных требований динамизма является способность законодателя реагировать на

достижения научно-технического прогресса. В этом плане право всегда должно на них реагировать (и, как правило, это соблюдается). История науки и техники и история правовых запретов вполне соответствуют одно другому (сопоставим хотя бы, например, Уголовные кодексы Франции 1810 г. и 1992 г. в части определения нарушения правил безопасности обращения с источниками энергии – тепловой, электрической, ядерной). Определенное равновесие правотворческой (правоприменительной) и научно-технической (производственной) сфер определяется при этом путем формулирования следующего постулата: право не должно отставать от научно-технического прогресса, своевременно предупреждая или ограничивая его возможный вред, вызванный определенными открытиями в науке и технике, однако оно (право) не должно служить и тормозом (препятствием) для соответствующих научных открытий и их претворения в жизнь (М.Д. Шаргородский). То есть при этом требуется определенное соотношение динамизма и стабильности законодательства. Сегодня, это, например, отражение в праве проблемы ответственности за причинение вреда, вызванного созданием в различных формах искусственного интеллекта. В юридической науке на эту тему существует уже масса не только публикаций, но и вполне конкретных предложений о внесении изменений в нормы различных отраслей права (в т.ч. и уголовного).

Баланс соблюдения динамизма и стабильности применительно к уголовному праву для советского и постсоветского законодательства (в равной степени), увы, оказался не достижим. Сошлемся хотя бы на «судьбу» действующего УК РФ (принятого еще в 1996 г.). На момент принятия Кодекс состоял из 360 статей, но на сегодняшний день он заметно «потолстел» и увеличился более чем на 1/3. В какую сторону? Какие уголовно-правовые нормы буквально «штамповались» законодателем? Ознакомление с их содержанием свидетельствует, что в подавляющем большинстве случаев вмешательство законодателя в текст Уголовного кодекса заключалось в криминализации (и пенализации) новых, не запрещенных ранее деяний и установлении за них уголовной ответственности. Изменения же другого порядка, т.е. связанные с декриминализацией насчитываются буквально единицами. «Перегруженность» Кодекса уголовно-правовыми запретами свидетельствует, во-первых, о серьезной обвинительной направленности законодательных новелл в целом, что конечно же требует своего доктринального обоснования. А, во-вторых, это привело Кодекс к большой «беде» - утрате им своей системности как необходимого атрибута Кодекса. Одни нормы стали противоречить другим, что создало серьезные трудности для правоприменения. Нередко такое нарушение системности Кодекса порождено принятием излишнего количества специальных норм, конкретизирующих общую норму. Например, ст.159 УК РФ об ответственности за мошенничество была дополнена шестью (правда, одна из них вскоре была отменена) специальными статьями, которые, мягко говоря, не совсем «прижились» в судебной практике.

«Небывалый» динамизм российского уголовного законодательства начался и продолжался в советскую эпоху. Наш законодатель твердо стоял на позиции, что принятие уголовно-правовых норм и изменение Уголовного кодекса – «инструмент» едва ли не для «ежедневного» пользования. При этом уголовное право рассматривалось как необходимое средство насилия и принуждения (что вытекало из марксистско-ленинских основ построения социализма). В тоталитарном государстве это вполне срабатывало. Именно с помощью уголовного права руководство государства и партийная верхушка решили задачу ускоренной коллективизации сельского хозяйства и столь же ускоренной индустриализации, а также подавления малейших ростков оппозиции. И весь так называемый «большой террор» 1930-х гг. был оформлен с помощью выстроенного под это уголовного и уголовно-процессуального права. Все это было возможно лишь в рамках тоталитарного государства. Но уже первые проявления хрущевской «оттепели» (начиная с его антисталинского доклада на XX съезде КПСС) дали «трещину» в выстроенном «саркофаге» тоталитаризма, а свобода горбачевской перестройки «добила» его совсем.

Правда, справедливости ради, следует сказать, что истинными «пионерами» использования уголовного права в качестве рабочего инструмента для решения

важнейших политических и социально-экономических задач, стоящих перед государством, были все-таки не большевики. Все началось с Временного правительства, созданного в результате Февральской революции 1917 г. Оно пыталось принятием уголовных законов предупредить и пресечь погромы анархистски настроенной части народных масс и в конечном счете приход к власти большевиков. Суровые уголовно-правовые санкции за забастовки железнодорожников, за спекуляцию (в особенности продуктами), за публичные призывы к погромам и даже (!) за «появление в публичном месте в состоянии опьянения», увы, не смогли (да и не могли) предотвратить следующую революцию или переворот, происшедший в октябре 1917 г. «Опыт» Временного правительства почти в точности повторил М.С.Горбачев. В последний год «перестройки» были приняты достаточно суровые уголовные законы, например, закон «Об ответственности за нарушение единства территории Союза ССР» и другие в этом же направлении уголовно-правовые акты, разумеется, не сумевшие предотвратить распада Союза ССР (сближает тех и других законодателей и принятие ими антиалкогольного законодательства).

К сожалению, как уже отмечалось, такая тенденция динамизма (а проще процесса «кройки и шитья» Уголовного кодекса продолжалась и в постсоветский период).

Проблема стабильности и динамизма уголовного закона решается при помощи приемов *техники* уголовного закона. Под последней понимается совокупность определенных способов (правил, приемов) формулирования правовых предписаний. Вместе с тем следует отметить, что понятие законодательной техники определяется в юридической литературе по-разному, оно имеет множество оттенков (С.С. Алексеев, Д.А. Керимов, А.А. Ушаков, А.С. Пиголкин, М.И. Ковалев, О.А. Красавчиков, Д.А. Ковачев, А. Нашиц и др.). Нам представляется, что главное в подходе к определению законодательной техники заключается в исключении при этом содержательно-правового (материально-правового). В этом смысле правы авторы, которые утверждают, что законодательную технику образуют нематериальные средства и приемы. Однако реальная грань между содержательным и техническим в праве не всегда является наглядно видимой, а попытки провести ее вызывают определенные трудности. Техническое — это то, что напрямую не выражает классово-политических и социально-экономических аспектов права. Поэтому те или иные способы (приемы) законодательной техники являются классово нейтральными и могут быть использованы в любой системе права. По своему содержанию технико-юридические средства и приемы представляют собой технические моменты конструирования правовых (нормативных) актов — такие средства и приемы, при помощи которых «сооружаются» нормативные акты. Среди них одними из наиболее важных справедливо признаются правила построения диспозиций и санкций. При этом поле приложения техники применительно к диспозициям уголовного закона значительно более широкое по сравнению с техническими правилами построения санкций. Это объясняется, во-первых, тем, что «в норме уголовного права центральное место принадлежит диспозиции», где формулируется содержание уголовно-правового запрета, ядром которого, в свою очередь, является трактовка запрещаемых уголовным законом общественно опасных деяний. Во-вторых, законодательное конструирование «модели» соответствующего общественно опасного поведения предполагает использование весьма разнообразного «строительного» материала и требует обычно значительно большую по размеру «строительную площадку», чем это необходимо при конструировании уголовно-правовых санкций. В-третьих, формулирование уголовно-правовых предписаний норм Общей части уголовного права вообще связывается лишь с их диспозициями.

При всей зависимости формы (закона) от его содержания она имеет и определенную самостоятельность и даже способна оказывать активное воздействие на содержание. Форма уголовного закона может способствовать достижению основной задачи, стоящей перед ним, — охране личности, общества и государства от преступных посягательств, а может и затруднять ее достижение [5; 244-245].

Список литературы:

- 1 Краткий философский словарь. М., 1998. С. 236-237.
- 2 Коробеев А.И. Уголовно-правовая политика России: от генезиса до кризиса. М., «Юрлитинформ». 2019. –352 с.
- 3 Наумов А.В. Российское уголовное право. Курс лекций. Том 1. Общая часть. 5-е изд. М., 2011. С.49-50, 291-292.
- 4 Наумов А.В. Преступление и наказание в истории России. Часть II. М., «Проспект», 2020.– 640 с.
- 5 Наумов А.В. Российское уголовное право. Общая часть: курс лекций. – 6-е изд. перераб и доп. – Москва: Проспект, 2018. – 784 с.

ЛИЧНОСТЬ ПРЕСТУПНИКА КАК СУБЪЕКТ В КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОЙ ХАРАКТЕРИСТИКЕ ФИНАНСИРОВАНИЯ ТЕРРОРИЗМА

*Ниденс Ю.А., магистрант 2 курса, юридического факультета, КарУ им. Е.А.Букетова
Научный руководитель: к.ю.н.доцент кафедры уголовного права, процесса и криминалистики Аренова Л.К.*

При разборе составов преступлений принято выделять основные элементы преступления, такие как субъект, субъективная сторона, объект и объективная сторона.

Субъект преступления является одной из главных составляющих частей преступного деяния.

В научной и уголовно-правовой трактовке понятие «субъект преступления» представляет собой лицо, совершившее преступное деяние, способное нести ответственность за совершенное деяние и соответствующее указанным законодательством признакам.

Однако, в законодательстве Республики Казахстан прямое определение термина «субъект преступления» отсутствует.

В Уголовном Кодексе Республики Казахстан используются идентичные вышеуказанному термину понятия «лицо, совершившее преступное деяние» и «лицо, подлежащее уголовной ответственности». Данные понятия регулируются статьями в Уголовном Законодательстве Республики Казахстан.

Статья 15 УК РК поясняет, что уголовной ответственности подлежит вменяемое физическое лицо, достигшее ко времени совершения уголовного правонарушения шестнадцатилетнего возраста.[1]

Научное определение субъекта преступления и законодательно закрепленные признаки практически совпадают, и в обоих случаях ссылка обязательно идет на три признака: вменяемость, физическое лицо, достигшее определенного законом возраста.

Здесь закреплены два момента. Первый: чтобы признать лицо субъектом преступления, необходимо наличие совокупности всех трех признаков, а именно физическое лицо, вменяемость, возраст. Второй: необходима обязательная связь субъекта с уголовной ответственностью, так как без наличия данной связи субъекта преступления нет.

Эти признаки присущи для всех субъектов преступлений, называемых в теории уголовного права общим субъектом преступления.

Малоизученным вопросом в науке уголовного права является соотношение понятий «субъект преступления» и «личность преступника».

Субъект преступления и личность преступника – это взаимосвязанные понятия. Нельзя анализировать личность преступника в отрыве от субъекта преступления, и наоборот. Однако следует различать, что личность преступника – это личность лица, совершившего